ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, В. В. Руднева

LII

1933
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНІЕ

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

Жизнь Арсеньева

I - II.

. . . .

. . . .

III.

. . . .

Изъ Васильевскаго я ѣхалъ верхомъ, подъ тихимъ и свѣтлымъ утреннимъ дождикомъ, который то переставалъ, то опять сыпался по весеннему, среди пашенъ и паровъ, уже зароставшихъ желтымъ цвѣтомъ сорныхъ травъ. Мужики пахали и сѣяли. Мужикъ, босикомъ, шелъ за сохой, качаясь, оступаясь бѣлыми косыми ступнями въ мягкую борозду, лошадь разворачивала ее, крѣпко натуживаясь, горбясь, за сохой вилялъ по бороздѣ синій грачъ, то и дѣло хватая въ ней малиновыхъ червей, за грачемъ большимъ, ровнымъ шагомъ шагалъ мужикъ безъ шапки, съ сѣвалкой черезъ плечо, широко и какъ то благородно-щедро поводя правой рукой, правильными полукружіями осыпая землю зерномъ...

Въ Батуринѣ было даже больно отъ той любви, радости, съ которой былъ встрѣченъ я. Помню, что больше всего поразила меня даже не радость матери, а радость сестры, — я не чаялъ такой радости и такой прелести любви и радости, съ которой она, выглянувъ въ окно, кинулась ко мнѣ на крыльцо. И какъ она была прелестна вся — своей чистотой, юностью, какъ невинна, свѣжа была даже своимъ новенькимъ платьицемъ, въ первый разъ на-

ніе, — *индивидуалистиченъ*; *міръ*, *какъ воля*, — *соборенъ*. Всякое общественное дѣланіе предполагаетъ сочетаніе людей, т. е. разныхъ душевныхъ состояній и взглядовъ. И даже сравнительно небольшое дѣло, какимъ является организація и веденіе «Общественно-политическаго и литературнаго журнала», требуетъ извѣстной «коалиціи» людскихъ усилій не только во внѣ, но, при коллегіальномъ руководствѣ, и внутри. Не намъ судить о результатахъ нашихъ коалиціонныхъ усилій.

Благожелательно констатируя положительныя достиженія и заслуги «Современныхъ Записокъ», П. Н. Милюковъ въ заключеніе полагаетъ, что «Современныя Записки» «такъ много уже сдѣлали», что имъ «никакая критика не страшна». Я бы добавилъ, — кромѣ критики, не считающейся съ *логикой вещей*. Такая критика могла бы быть «страшна», — можетъ быть, не столько для руководителей журнала, сколько для самого журнала.

М. В.

Голодъ и коллективизація

I. Генезисъ коллективизаціи.

Осенью 1929 г. совѣтская власть объявила *крестьянству войну на уничтоженіе*; она затѣяла произвести сверху *вторую аграрную революцію*, гораздо глубже потрясающую всѣ основы народной жизни, чѣмъ аграрная революція 1918 г. Чѣмъ было вызвано это объявленіе войны? Можетъ быть крестьянское хозяйство, несмотря на уступку, сдѣланную ему объявленіемъ Новой Экономической Политики, обнаружило свою неспособность создать основы для возстановленія и дальнѣйшаго развитія народнаго хозяйства?

Этого ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать. *Крестьянское хозяйство*, даже въ томъ жалкомъ состояніи, до котораго его довела революція, проявило *поразительную жизнеспособность и приспособляемость*. Къ 1922 г. посѣвная площадь сократилась съ 116,7 милл. гект. въ 1913 г. до 77,7 милл. гект., т. е. на 39 милл. гект. или на одну треть; паденіе посѣвной площади зерновыхъ хлѣбовъ слишкомъ вдвое превзошло долю вывоза, который до войны поглощалъ около 15% чистаго сбора хлѣбовъ; численность рабочихъ лошадей по сравненію съ довоеннымъ временемъ сократилась на 30%, численность пользовательнаго скота на 27%, цѣнность мертваго инвентаря на 40%. Въ такихъ условіяхъ можно было серьезно опасатся того, что голодовки будутъ въ Россіи продолжаться рядъ лѣтъ.

Въ дѣйствительности, однако, со времени снятія урожая 1922 г. всѣ продовольственныя затрудненія какъ рукой сняло, и *пока* НЭП былъ въ силѣ, *съ продовольствіемъ* населенія обстояло *благополучно*. Съ 1922 по 1926 г., за четыре года посѣвная площадь повысилась на 32,6 милл. гект. и была только на 6,4 милл. гект. меньше довоенной, а численность пользовательнаго скота уже превзошла его численность до революціи.

Чему-же сельское хозяйство обязано своимъ стремительнымъ возстановленіемъ? Можетъ быть, этотъ успѣхъ объясняется тѣмъ, что крестьянское хозяйство было поставлено въ періодъ НЭП'а въ особенно благопріятныя условія? Конечно, все на свѣтѣ относительно: *условія развитія крестьянскаго хозяйства* при НЭП'ѣ были несравненно лучше, чѣмъ они были въ эпоху военнаго коммунизма или подъ пятилѣткой, но *по сравненію съ довоенными* условіями они были достаточно *неблагопріятны*.

Аграрная революція 1918 г. не имѣла существеннаго положительнаго значенія въ экономической жизни крестьянства. Не надо упускать изъ виду, что еще въ результатѣ революціи 1905 г. произошла громадная передвижка земли изъ рукъ помѣщиковъ въ руки крестьянъ. Кромѣ того, послѣ революціи громадныя массы выходцевъ изъ деревни вернулись туда изъ городовъ обратно, и они получили свою долю при дѣлежѣ земли. Въ виду этого въ великорусскихъ губерніяхъ землепользованіе на душу населенія возросло въ результатѣ аграрной революціи всего только на 20%, да и то изъ прирѣзанной земли половина и раньше была въ пользованіи крестьянъ. Значительной была прирѣзка земли только на Украинѣ. На большей части территоріи страны *главное значеніе аграрной революціи* заключалось для крестьянъ *не въ прирѣзкѣ земли, а въ равномѣрномъ ея распредѣленіи* между ними же. Только прежде особенно обдѣленные землей элементы могли-бы извлечь изъ аграрной революціи экономическія выгоды, но вслѣдствіе общаго хаотическаго состоянія народнаго хозяйства и они ничего не выгадали.

Что касается организаціи народнаго хозяйства при НЭП'ѣ, то она была гораздо менѣе благопріятна для крестьянскаго хозяйства, чѣмъ до войны. Даже въ 1925-26 г., который можно считать временемъ наивысшаго расцвѣта НЭП'а, крестьянинъ получалъ за свой продуктъ примѣрно на 40% менѣе товаровъ крупной индустріи, чѣмъ до войны. До войны крестьянинъ получалъ примѣрно 70% цѣны ржи на внутреннемъ рынкѣ и 75% цѣны пшеницы на внѣшнемъ рынкѣ, теперь онъ получалъ примѣрно на 20% меньшую долю соотвѣтствующихъ цѣнъ. Потери крестьянства на рынкѣ вслѣдствіе худшей организаціи народнаго хозяйства во много разъ превосходили тѣ выгоды, ко-

торыя оно получало вслѣдствіе освобожденія отъ земельныхъ платежей; да и налоговое обложеніе крестьянъ послѣ революціи стало болѣе тяжелымъ.

Стремительный процессъ возстановленія крестьянскаго хозяйства, который имѣлъ мѣсто въ теченіе 1922-26 г., произошелъ не потому, что крестьянское хозяйство было поставлено въ благопріятныя условія для своего развитія, а несмотря на то, что оно было поставлено въ неблагопріятныя условія. Въ этомъ нашла себѣ выраженіе большая жизнеспособность этой исконной, семейной, трудовой, въ основѣ на самоснабженіи построенной хозяйственной организаціи. Если крестьянину не слишкомъ мѣшаютъ, то онъ «обрастаетъ». Вопросъ о возстановленіи его деградировавшаго въ революціи хозяйства былъ для каждаго крестьянина вопросомъ жизни или смерти. Могучимъ усиліемъ русское крестьянство при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ вылѣзло изъ той ямы, въ которую его сбросилъ коммунизмъ въ первые годы своего владычества, и попутно оно создало условія для частичнаго возстановленія другихъ отраслей народнаго хозяйства. Для дальнѣйшаго роста сельскаго хозяйства и углубленнаго вовлеченія его въ обмѣнъ необходимо было или чтобы крайне несовершенная организація такъ наз. соціалистическаго сектора была улучшена, или чтобы совѣтская власть не мѣшала развитію частнаго хозяйства въ дѣлѣ исполненія тѣхъ-же экономическихъ функцій. Но усовершенствовать работу соціалистическаго сектора совѣтской власти удалось лишь въ весьма ограниченной мѣрѣ, а допустить свободную конкурренцію съ нимъ частнаго хозяйства она не желала.

Основной задачей совѣтской власти, однако, было не усовершенствованіе соціалистическаго сектора, а его *стремительное расширеніе*, въ особенности государственной промышленности, *за счетъ сельскаго хозяйства*. Эта тенденція нашла свое полное выраженіе въ опубликованныхъ лѣтомъ 1925 г. первыхъ «Контрольныхъ цифрахъ народнаго хозяйства» на 1925-26 г. Опубликованіе этой работы Госплана было важнымъ шагомъ въ дѣлѣ строительства плановаго хозяйства. И вотъ уже эти первыя «Контрольныя цифры» предъявили сельскому хозяйству совершенно *неимовѣрныя требованія*. Получившая къ тому времени значительное развитіе частная торговля защитила кре-

стьянство отъ этой попытки безмѣрной эксплоатаціи его со стороны соціалистическаго сектора, и привела требованія послѣдняго въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ общими условіями народнаго хозяйства. Но совѣтская власть чувствовала себя разочарованной въ своихъ экспансивныхъ надеждахъ на быстрое строительство индустріи за счетъ крестьянства.

Была построена теорія, что «кулакъ», опираясь на частную торговлю и частную промышленность, саботируетъ совѣтскую власть. Съ 1926 г. усиливаются гоненія на зажиточныхъ крестьянъ, и частная торговля и частная промышленность ликвидируются. Въ результатѣ съ 1927 г. ростъ сельскаго хозяйства пріостанавливается, и крестьянство, въ виду крайняго ухудшенія рыночныхъ условій, начинаетъ опять возвращаться въ свою натурально-хозяйственную скорлупу. При быстромъ ростѣ индустріальнаго населенія, которое теперь перестало обслуживаться частной торговлей, совѣтской власти оставалось только вернуться къ системѣ принудительнаго изъятія сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ январѣ 1928 г. она это и сдѣлала, и тѣмъ разрушила послѣднюю основу НЭП'а. Между тѣмъ никакая другая организація сельскаго хозяйства въ данныхъ условіяхъ не могла-бы удовлетворить безмѣрнымъ требованіямъ совѣтской власти.

Но являлся вопросъ, чѣмъ замѣнить разрушаемое принудительными мѣропріятіями крестьянское хозяйство. Втеченіе 1928 г. и первой половины 1929 г. совѣтская власть все колебалась, не зная, что ей дѣлать съ сельскимъ хозяйствомъ. Конецъ колебаніямъ положилъ обратившій на себя ея вниманіе опытъ агронома Маркевича.

Маркевичъ сосредоточилъ въ совхозѣ Шевченко Одесскаго уѣзда 100 тракторовъ и много другихъ машинъ и предложилъ окрестнымъ селамъ обработать ихъ поля сплошь, не считаясь съ межами, вплоть до машиннаго обмолота хлѣба. Крестьяне ставятъ ему нужныхъ рабочихъ и отдаютъ машинно-тракторной станціи (МТС) 25-30% зерна. Въ другихъ отношеніяхъ крестьяне сохраняютъ свою хозяйственную самостоятельность. Они имѣютъ свою усадьбу, свой огородъ, свой скотъ; имъ принадлежитъ 70-75% зерна и вся полова; согласно сѣвообороту они получаютъ одинъ изъ шести клиньевъ для самостоятельнаго его засѣва плугополольными. Крестьяне на это

предложеніе пошли, и въ 1928 г. 26 селъ, располагающихъ 24.000 гект. земли, заключили соотвѣтствующіе договоры съ МТС. Сознавая всю сложность этого начинанія, Маркевичъ въ своей получившей громадное распространеніе книгѣ «Межселенныя машинно-тракторныя станціи» предупреждалъ противъ безпорядочнаго устройства такихъ станцій, какъ опаснаго дѣла.

Это культурное предпріятіе навело совѣтскую власть на новыя мысли. Она впервые увидѣла, что въ извѣстныхъ условіяхъ не маленькія группы, а цѣлыя села въ полномъ составѣ могутъ сломать свои межи. Но если это возможно, то это должно быть сдѣлано. Совѣтская «сплошная коллективизація» была не чѣмъ инымъ, какъ извращеніемъ идеи Маркевича. Свободное соглашеніе замѣнено принужденіемъ; самостоятельность крестьянскихъ хозяйствъ совершенно ликвидируется, и коллективизація совершается даже и независимо отъ наличія МТС. Трудно представить себѣ болѣе печальную судьбу культурной идеи.

II. Проблема коллективизаціи крестьянства на русской почвѣ.

Русскій крестьянинъ былъ столь-же мало подготовленъ къ веденію коллективнаго хозяйства, какъ крестьянинъ любой страны, и мнѣніе, что русская община его къ этому подготовила, надо признать совершенно ошибочнымъ. Широкіе слои русскаго крестьянства цѣнили русскую общину, какъ организацію, обезпечивающую ихъ и ихъ потомство землей для веденія собственнаго хозяйства; представленіе о коллективномъ хозяйствѣ имъ было совершенно чуждо. Конечно, въ русскихъ общинахъ царилъ строгій принудительный сѣвооборотъ, но таковой былъ очень распространенъ и отчасти и теперь еще встрѣчается и въ странахъ Западной Европы среди несомнѣнно индивидуалистически настроеннаго крестьянства. Нигдѣ и никогда русская община не вела коллективнаго хозяйства. Усматривать зачатки коллективизма въ южно-русской «супрягѣ», возникшей въ специфическихъ условіяхъ южно-русскихъ степей, гдѣ для пахоты часто необходимы четыре пары лошадей, нѣтъ достаточныхъ основаній.

Въ развитіи русской сельско-хозяйственной коопераціи до войны нельзя отмѣтить какихъ-либо чертъ, принципіально отличающихъ ее отъ кооперации на Западѣ. Производительныя товарищества, охватывающія основное производство, ни тамъ, ни здѣсь никакого развитія не получили.

Аграрная революція 1918 г. въ этомъ отношеніи ничего не могла измѣнить, ибо она не была коллективистической. Ея лозунгъ былъ «черный передѣлъ», т. е. равномѣрное распредѣленіе земли въ индивидуальное пользованіе. Дѣятельность совѣтской власти по насажденію коллективовъ въ порядкѣ добровольности, несмотря на значительныя средства, потраченныя на это дѣло, и несмотря на большія льготы, предоставленныя коллективамъ, была безуспѣшна.

«Сплошная коллективизація» могла быть осуществлена только путемъ *принужденія*; оно было въ большой мѣрѣ косвеннымъ по отношенію къ деревенской бѣднотѣ и въ большей мѣрѣ прямымъ по отношенію къ середнякамъ.

Однако, и для соціализаціи хозяйства подъ совѣтскимъ терроромъ оказались извѣстные предѣлы. Попытка загнать крестьянъ въ коммуны, въ которыхъ соціализируется не только производство, но и потребленіе, натолкнулась на непреодолимое противодѣйствіе женщинъ. Въ извѣстной статьѣ Сталина «Головокруженіе отъ успѣховъ» основной формой коллективизаціи была признана артель, въ которой коллективируется производство, но не потребленіе. Отрасли, которыя слишкомъ тѣсно связаны съ домашнимъ хозяйствомъ, сохранили свой частный характеръ, причемъ они были довольно широко очерчены; въ частномъ пользованіи остались одна корова, мелкій скотъ, птица, усадебное хозяйство. Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ коллективовъ наряду съ обобществленнымъ хозяйствомъ существуютъ и элементы частнаго хозяйства, и между ними чувствуется нерѣдко нѣкоторый антагонизмъ.

Первая и очень трудная задача въ коллективахъ, въ особенности въ столь многолюдныхъ и составленныхъ изъ разнородныхъ, насильственно объединенныхъ членовъ, это созданіе обладающаго достаточнымъ авторитетомъ правленія. Зимой 1929-30 г., когда большевики затѣвали принудительную коллективизацію, ихъ цѣлью было въ

сущности созданіе не кооперативовъ, а совхозовъ на надѣльной землѣ. Крестьянъ предполагалось превратить въ батраковъ. Упомянутая статья Сталина похоронила и эту идею. Сталинъ сдѣлалъ это не только, какъ уступку крестьянству, но и въ собственныхъ интересахъ совѣтской власти. Значительная часть крестьянъ, отчаявшись въ возможности сопротивленія совѣтской власти, пришла зимой 1930 г. въ состояніе резиньяціи: «Ну, хорошо!», говорили они, «если вы, товарищи, находите, что мы плохо хозяйничаемъ, то хозяйничайте вы! Мы, какъ городскіе рабочіе, будемъ отрабатывать свои 8 часовъ, а вы намъ платите жалованье!». Сталинъ этого испугался. Дѣйствительно, вѣдь это означало-бы, что совѣтской власти пришлось-бы взять на себя всю полноту отвѣтственности за веденіе сельскаго хозяйства, и что ей пришлось-бы кормить все крестьянство перенаселенной русской деревни. Сталинъ и эту идею призналъ «головокруженіемъ». Создаются пока не совхозы на надѣльной землѣ, а артели, т. е. кооперативы. Это значитъ, что ихъ члены не получаютъ жалованья, а вознаграждаются изъ результатовъ производства. Если дѣло идетъ плохо, и ѣсть нечего, то это дѣло членовъ артели, — совѣтская власть тутъ не при чемъ.

Но все-же этотъ поворотъ, сдѣланный Сталинымъ, нельзя истолковывать, какъ конституированіе коллективовъ, какъ настоящихъ самоуправляющихся кооперативовъ. Въ Россіи существуетъ *единое, всеобъемлющее коммунистическое государство*, и рядомъ съ нимъ никакихъ самостоятельныхъ общественныхъ организацій нѣтъ и не можетъ быть; слѣдовательно въ современной Россіи не можетъ быть и настоящей коопераціи. Выборъ правленія совершается, кончно, согласно указаніямъ партіи. Тѣ 25 тыс. городскихъ коммунистовъ, которые зимой 1930 г. были откомандированы въ деревню для осуществленія коллективизаціи, хотя ихъ большая часть о сельскомъ хозяйствѣ никакого представленія не имѣла, теперь почти всѣ сидятъ въ правленіяхъ колхозовъ. Одновременно съ этимъ всѣ вопросы внутренней жизни колхозовъ, вплоть до вопроса объ уходѣ за жеребой кобылой и о чисткѣ копытъ у лошадей, рѣшаются постановленіями центральнаго правительства. Члены правленій колхозовъ являются прежде всего правительственными чиновниками, которые исполняютъ приказы власти и, конечно, прежде всего отвѣчаютъ за аккуратную сдачу раз-

верстки; представителями интересовъ членовъ колхоза ихъ нельзя считать.

Кромѣ того, члены въ коллективахъ и не равноправны. Правленіе группируетъ вокругъ себя «активъ», составленный изъ прежнихъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, а середняки являются членами второго ранга.

Такимъ образомъ, члены коллективовъ отвѣчаютъ за результаты производства, но они не въ состояніи оказывать вліянія на его ходъ. Неудивительно, что въ такихъ условіяхъ большинство крестьянъ воспринимаютъ коллективизацію, какъ великое на нихъ свалившееся бѣдствіе и за недостаткомъ другихъ объектовъ для сравненія именуютъ ее «вторымъ крѣпостнымъ правомъ».

Другой, наряду съ созданіемъ авторитетнаго управленія, непомѣрно трудной задачей въ жизни сельскохозяйственныхъ производительныхъ товариществъ является созданіе достаточныхъ стимуловъ для усердной работы членовъ. Совѣтская власть стремится найти ея рѣшеніе въ соотвѣтствующемъ распредѣленіи доходовъ коллектива. Предоставленные самимъ себѣ коллективы тяготѣютъ къ равномѣрному распредѣленію продуктовъ производства по хозяйствамъ или даже по потребительнымъ нуждамъ сочленовъ. Но такое уравнительное распредѣленіе продуктовъ лишаетъ членовъ всякихъ стимуловъ къ труду. Въ виду этого совѣтская власть стремится строго контролировать распредѣленіе доходовъ въ коллективахъ. Продукція колхозовъ должна быть, конечно, прежде всего использована для исполненія громадныхъ разверстокъ, затѣмъ для созданія недѣлимыхъ колхозныхъ фондовъ, которые должны спаять членовъ съ колхозомъ. Остальная часть продукціи и денежнаго дохода должна быть распредѣлена между членами, но не равномѣрно, а сообразно съ работой каждаго изъ нихъ, при чемъ надо считаться не съ продолжительностью работы, а съ ея производительностью и съ той квалификаціей, которую она требуетъ отъ работника. Въ этихъ видахъ правительство сочинило подробную инструкцію, въ которой всѣ работы распредѣлены по требуемой ими квалификаціи и для каждой работы опредѣленъ дневной урокъ.

Однако выполнить эту задачу въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ работы сильно разбросаны въ пространствѣ и весьма многообразны, — дѣло совсѣмъ нелегкое. Уже для контроля одной только продолжительности работы необхо-

димо очень хорошо поставленное счетоводство, а Россія не располагаетъ культурными силами, чтобы снабдить слишкомъ 200 тыс. колхозовъ опытными счетоводами. Контролировать-же количество исполненной работы въ сельскомъ хозяйствѣ, въ виду разбросанности работъ въ пространствѣ, представляетъ сугубыя трудности. При этомъ погоня за количествомъ работы можетъ въ сельскомъ хозяйствѣ легко пойти въ ущербъ ея качеству, а контроль за качествомъ работы въ сельскомъ хозяйствѣ гораздо труднѣе, чѣмъ въ промышленности. Въ виду этого методъ сдѣльнаго вознагражденія труда, который совѣтская власть съ легкимъ сердцемъ продолжаетъ осуществлять въ колхозахъ, не нашелъ большого примѣненія въ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ, хотя капиталистъ сильно заинтересованъ въ поднятіи интенсивности труда своихъ рабочихъ. Пока, однако, даже съ самыми элементарными способами учета труда въ колхозахъ за недостаткомъ или полнымъ отсутствіемъ счетоводовъ дѣло обстоитъ весьма неблагополучно.

Другимъ способомъ стимулированія работы членовъ коллективовъ должна была-бы явиться ея *«бригадная» организація*. Рабочія силы коллектива дѣлятся на части, «бригады»; каждая «бригада» исполняетъ весь циклъ работъ на опредѣленномъ участкѣ, и ея вознагражденіе ставится въ соотвѣтствіе съ урожаемъ даннаго участка. Поскольку «бригады» работаютъ въ рамкахъ единаго коллектива, это является не малымъ осложненіемъ дѣла; поскольку-же «бригады» совершенно обособляются, это должно вести къ распаду коллективовъ на сосѣдскія части, что совешенно не соотвѣтствуетъ видамъ совѣтской власти.

Такимъ образомъ, проблемы организаціи коллективовъ очень далеки отъ ихъ разрѣшенія. Пока въ коллективахъ царятъ неразбериха и раздоръ. Ожидать отъ этой новой соціальной организаціи расцвѣта сельскаго хозяйства нѣтъ основаній.

Но, можетъ быть, можно ожидать, что идущая параллельно съ коллективизаціей *механизація сельскаго хозяйства* явится такой мѣрой, которая покроетъ всѣ грѣхи коллективизаціи и все-таки выведетъ хозяйство на путь прогрессивнаго развитія. Но и эта надежда не обоснована. Прежде всего механизація сельскаго хозяйства, несмотря на огромныя средства, которыя

совѣтская власть вкладываетъ въ это дѣло, очень далеко отстаетъ отъ темпа коллективизаціи. Тѣми 80 тыс. тракторами, которые въ 1932 г. работали въ коллективированномъ сельскомъ хозяйствѣ, едва-ли можно было обработать даже 20% коллективированныхъ полей.

Но обработать поле тракторомъ это еще не значитъ его хорошо обработать; такъ какъ въ Россіи нѣтъ еще штата опытныхъ трактористовъ, то обработка бываетъ очень часто плоха. Желаніе возможно больше использовать тракторъ приводитъ къ тому, что работы производятся несвоевременно, а высота урожаевъ въ Россіи въ сильнѣйшей степени зависитъ отъ своевременнаго выполненія работъ. Повышеніе урожаевъ можетъ быть достигнуто лишь цѣлой системой агрикультурныхъ мѣропріятій, и даже въ лучшемъ случаѣ одна только механизація обработки является для этого недостаточной.

Что механизація можетъ сыграть положительное значеніе въ реконструкціи русскаго сельскаго хозяйства, не приходится сомнѣваться. Но для этого должны быть созданы подходящія условія. Плохо подготовленную и наспѣхъ проведенную, механизацію сельскаго хозяйства нельзя разсматривать, какъ это дѣлаетъ совѣтская власть, какимъ-то всеисцѣляющимъ средствомъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

III. Результаты коллективизаціи.

На XVI-ой партійной конференціи въ іюнѣ-іюлѣ 1930 года, имѣвшей мѣсто послѣ перваго натиска принудительной коллективизаціи, Сталинъ и Наркомъ Земледѣлія Яковлевъ заявили, что зерновая проблема рѣшена въ томъ смыслѣ, что, благодаря коллективизаціи, страна будетъ обезпечена и продовольствіемъ и значительными избытками зерна для вывоза; между тѣмъ какъ разъ зерновая проблема стояла особенно остро въ предшествовавшіе годы. Сталинъ и Яковлевъ основывались при этомъ главнымъ образомъ на томъ, что посѣвъ всѣхъ яровыхъ культуръ весной 1930 г. возросъ противъ прошлаго года на 7%. По провѣреннымъ даннымъ, опубликованнымъ спустя два года, однако, оказалось, что посѣвы яровыхъ 1930 г., несмотря на очень благопріятныя метеорологическія условія весны, не возросли на 7%, а сократились на 2,2%.

Позже совѣтская власть указывала на значительное расширеніе посѣвной площади въ 1931 г., какъ на доказательство благопріятнаго вліянія коллективизаціи, на развитіе сельскаго хозяйства. Посѣвная площадь на крестьянскихъ поляхъ (коллективированныхъ и неколлективированныхъ) возросла, по даннымъ совѣтской статистики, противъ предшествующаго года на 8,3 милл. гект.

По этому поводу необходимо замѣтить, что 1930 г. былъ очень урожайнымъ, а за урожайными годами слѣдуетъ всегда значительное расширеніе посѣвной площади. Но кромѣ того положительное значеніе расширенія посѣвной площади въ 1931 г. является весьма проблематичнымъ. Съ 1931 г. соціалистическій секторъ (колхозовъ и совхозовъ) получилъ въ сельскомъ хозяйствѣ преобладающее значеніе, на него приходилось уже 2/3 посѣвной площади. Въ связи съ этимъ с е л ь с к о е х о з я й с т в о съ этого года у п р а в л я е т с я, можно сказать, и з ъ М о с к в ы. Тамъ составляется планъ засѣвовъ, и мѣстныя власти должны во что-бы то ни стало его выполнить. Онѣ его формально выполняютъ, не очень то заботясь о томъ, что изъ этого выйдетъ. Въ результатѣ этого и весной, и осенью посѣвная кампанія длится неимовѣрно долго, между тѣмъ какъ при сильной континентальности русскаго климата урожай въ сильнѣйшей степени зависитъ отъ своевременности посѣва; несвоевременно засѣянныя площади обычно ничего не приносятъ. Детальный анализъ посѣвной кампаніи показываетъ, что площадь зерновыхъ хлѣбовъ, своевременно засѣянныхъ, была въ 1931 г. даже меньше, чѣмъ въ 1930 г. *)

О повышеніи качества обработки коллективированныхъ полей даже въ томъ случаѣ, если они обработаны тракторами, не можетъ быть рѣчи. Какъ разъ 1931 г. былъ на югѣ засушливымъ, и въ такіе годы преимущества своевременной и хорошей обработки даютъ себя особенно отчетливо знать. Но пришлось оффиціально признать, что посѣвы, обработанные механически, не проявили никакой повышенной сопротивляемости губительному вліянію засухи.

Особенно неблагополучно съ качественной стороны обстоитъ съ техническими культурами. Въ цѣляхъ раз-

*) См. Бюллетени Эконом. Кабинета проф. С. Н. Прокоповича отъ декабря 1930 г. и іюня-іюля 1931 г.

витія индустріи совѣтская власть стремится къ быстрому расширенію посѣвовъ техническихъ культуръ. Она въ соотвѣтствующихъ районахъ коллективизируетъ крестьянъ и вынуждаетъ ихъ расширять техническія культуры за счетъ хлѣбовъ. Площадь техническихъ культуръ возросла съ 9,6 милл. гект. въ 1930 г. до 14,1 милл. гект. в 1931 году, или на 4,5 милл. гект. в одинъ годъ. Но ихъ плохая обработка особенно рѣзко отражается на высотѣ урожаевъ. Если урожаи техническихъ культуръ послѣ революціи снизились, то они испытали еще дальнѣйшее сниженіе послѣ коллективизаціи и были въ 1931 и 1932 г. вдвое ниже, чѣмъ до войны.

Но самые тяжелые удары нанесла коллективизація крестьянскому скотоводству. Къ 1930 г., послѣ перваго натиска принудительной коллективизаціи, число рабочихъ лошадей сократилось на 11%, рогатаго скота на 22%, овецъ на 26% и свиней на 36%. Данныя послѣдующихъ переписей не опубликовываются, но немногія свѣдѣнія, проникающія въ печать, показываютъ, что сокращеніе скотоводства продолжается.

Такое стремительное сокращеніе скотоводства должно въ свою очередь отразиться на полеводствѣ. Число рабочихъ лошадей за одну зиму 1929-30 г. сократилось на 2,8 милл. головъ и число рабочихъ воловъ на 1,3 милл. головъ. Къ осени 1932 г. въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ работало 150 тыс. тракторовъ; эти тракторы могли въ лучшемъ случаѣ замѣнить 1½ милл. лошадей. Такимъ образомъ, несмотря на усиленное снабженіе русскаго сельскаго хозяйства тракторами, его тяговая сила не возросла, а упала.

Сокращеніе пользовательнаго скотоводства не имѣетъ отрицательнаго значенія для полеводства въ степяхъ, ибо навозное удобреніе тамъ не примѣняется, но оно вредно для полеводства сѣвернаго чернозема и особенно вредно для полеводства нечерноземной полосы, гдѣ навозъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть замѣненъ минеральнымъ удобреніемъ.

Тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ лѣтъ, 1930-го и 1931-го, коммунисты находились въ радостномъ возбужденіи по поводу коллективизаціи. Но дѣло шло здѣсь совсѣмъ не объ успѣхахъ русскаго сельскаго хозяйства, а объ успѣшномъ укрѣпленіи ихъ власти надъ крестьянствомъ. Благодаря коллективизаціи, совѣтская власть получила въ правленіяхъ колхозовъ, МТС и совхозовъ новые опорные пункты въ деревнѣ. Она теперь могла почти также свободно располагать продуктами сельскаго хозяйства, какъ она свободно располагаетъ издѣліями промышленности. Совѣтская власть использовала это новое положеніе для сбора громадныхъ, небывалыхъ разверстокъ.

Уже изъ урожая 1929 г. путемъ чрезвычайнаго напряженія аппарата принужденія при фактической экспропріаціи всего зажиточнаго крестьянства была собрана небывалыхъ размѣровъ разверстка въ 16,1 милл. тоннъ (вмѣстѣ съ гарнцевымъ сборомъ). Изъ урожаевъ послѣдующихъ лѣтъ послѣ коллективизаціи совѣтской власти удалось собрать еще больше хлѣба, чѣмъ въ 1929 г., а именно изъ урожая 1931 г. — 23 милл. тоннъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ совѣтская власть могла возобновить вывозъ хлѣбовъ, который выпалъ въ 1927-28 и въ 1928-29 гг. и который былъ ей такъ нуженъ для цѣлей индустріализаціи. Изъ урожая 1929 г. было вывезено 2,3 милл. т. хлѣба, изъ урожая 1930 г. — 6,2 милл. тоннъ и изъ урожая 1931 г. — 4,5 милл. тоннъ. Такого большого хлѣбнаго вывоза, какъ въ годы 1930-31 и 1931-32, со времени революціи еще не было; вывозъ 1930-31 г. составилъ уже 60% довоеннаго.

Центральный вопросъ состоитъ въ томъ, соотвѣтствовали-ли эти громадныя изъятія хлѣба у крестьянъ ихъ урожаямъ?

Вычисленія, сдѣланныя на основаніи данныхъ совѣтской статистики, показываютъ, что во имя предполагаемыхъ успѣховъ соціализированнаго земледѣлія совѣтская власть изымала у сельскаго населенія все возростающую часть его урожая. Изъ чистаго урожая 1928 г. (за вычетомъ сѣмянъ) совѣтская власть изъяла 17,6%, изъ урожая 1929 г. уже 27,3%. Коллективизація создала возможности для дальнѣйшаго повышенія изъятій. Изъ урожая 1930 г. было изъято уже болѣе 30%, а изъ урожая 1931 г. болѣе 40%. Въ соотвѣтствіи съ этимъ все меньшія абсолютныя количества хлѣба оставались у крестьянства. Это былъ тотъ-же путь, по которому Россія за десять лѣтъ до того, дошла до катастрофы.

Еще весной 1930 г., немедленно послѣ перваго натиска

принудительной коллективизаціи, въ городахъ исчезли продукты животноводства, и съ той поры улучшенія въ этомъ отношеніи не наступило. Катастрофа въ отношеніи хлѣбнаго снабженія была отсрочена случайнымъ очень хорошимъ урожаемъ 1930 г., породившимъ у коммунистовъ много иллюзій. Но послѣ того какъ совѣтская власть осенью 1931 г. собрала изъ очень скуднаго урожая небывалую по размѣрамъ разверстку, сейчасъ-же обнаружилось, что она совершенно не соотвѣтствуетъ наличію хлѣба у крестьянъ. Постановленіемъ отъ 27 февраля 1932 г. совѣтская власть вынуждена была признать, что рядъ колхозовъ и совхозовъ въ восточныхъ районахъ не располагаетъ сѣменами для посѣва, и что во многихъ случаяхъ замѣчаются «продовольственныя затрудненія». Дѣло было такъ плохо, что пришлось населенію одолжить изъ только что отнятаго у него хлѣба безъ малаго 1 милл. тоннъ. О голодѣ на Украинѣ правительственное сообщеніе промолчало, ибо совѣтская власть не хотѣла отдавать населенію Украины свезенный въ черноморскія гавани и предназначенный къ экспорту хлѣбъ. Только къ осени 1932 г. было, наконецъ, признано, что осенью прошлаго года въ сущности во многихъ округахъ Украины забрали у крестьянъ почти весь хлѣбъ. Съ осени 1931 г., съ того времени, какъ собрана громадная разверстка, голодъ въ болѣе или менѣе острой формѣ царитъ въ русской деревнѣ, и онъ принялъ самыя тяжелыя формы какъ разъ въ тѣхъ районахъ, которые всегда кормили Россію, и которые теперь больше всего раззорены принудительной коллективизаціей и всей тяжестью разверстки.

Что особенно характерно для настроенія сельскаго населенія, такъ это его апатія къ труду, которая стоитъ въ тѣснѣйшей связи какъ съ принудительной коллективизаціей, такъ и съ огромными разверстками. Никогда русскія поля не обрабатывались такъ плохо, какъ теперь, и вслѣдствіе этого они никогда не были такъ засорены. Уже въ 1930 г. намѣтилось такое явленіе, которое до того никогда не наблюдалось: населеніе оставило не сжатымъ около 15% урожая. Если въ 1930 г. это еще можно было-бы объяснить очень обильнымъ урожаемъ, то въ 1931 г. это явленіе обнаружилось въ усиленной степени при плохомъ урожаѣ. Въ 1932 г., чтобы обезпечить себя самымъ необходимымъ еще до исполненія разверстки, колхозники стали по ночамъ раскрадывать съ полей немолоченный хлѣбъ.

Весной 1932 г. грозное состояніе сельскаго хозяйства и апатія, охватившая сельское населеніе, испугали совѣтскую власть и вынудили было ее пойти на кое-какія уступки. Продразверстку обѣщано было снизить на 20% до 18,1 милл. тоннъ; нѣсколько сокращены были и разверстки другихъ продуктовъ. Крестьянамъ было обѣщано послѣ исполненія разверстокъ разрѣшить свободную торговлю продуктами.

Этими небольшими уступками, однако, уже не удалось улучшить положенія. Посѣвная площадь 1932 г., несмотря на удовлетворительныя метеорологическія условія, была ниже прошлогодней, и урожай былъ плохой. Сокращенную разверстку пришлось на благодатномъ Сѣверномъ Кавказѣ и на Украинѣ собирать съ помощью карательныхъ экспедицій. Производитъ впечатлѣніе, что населеніе въ отчаяніи борется за послѣдній кусокъ хлѣба, который совѣтская власть у него хочетъ вырвать изо рта. Даже и стоящіе во главѣ колхозовъ коммунисты оказывались при этомъ часто солидарными съ населеніемъ, и они попадали подъ разстрѣлъ. Сталинъ въ своихъ рѣчахъ отъ 7 и 11 января т. г. вынужденъ былъ признать, что съ колхозами пока что обстоитъ совсѣмъ неблагополучно, что они «не рентабельны».

Либеральной политикѣ совѣтской власти отъ весны прошлаго года не суждено было получить развитія. Правда, совѣтская власть отъ системы безграничныхъ разверстокъ перешла къ системѣ фиксированныхъ по опредѣленнымъ признакамъ продналоговъ. Но ставки продналоговъ такъ высоки, что за ихъ выполненіемъ у крестьянства едва-ли останется достаточно продуктовъ даже для собственнаго прокормленія, не говоря уже о торговлѣ.

Сейчасъ совѣтская власть вернулась къ старому способу лѣченія всѣхъ общественныхъ язвъ, къ безкрайному террору. Согласно постановленію отъ 7 августа 1932 г. за хищеніе колхознаго добра и въ частности за кражу хлѣба съ полей полагается разстрѣлъ. Въ январѣ т. г. постановлено организовать въ МТС и въ совхозахъ Политотдѣлы, которые должны слѣдить за подборомъ подходящихъ членовъ правленій, за точнымъ исполненіемъ всѣхъ правительственныхъ приказовъ и въ особенности за неукоснительной сдачей продналоговъ.

Политотдѣлы имѣютъ право «чистить» колхозы отъ нежелательныхъ членовъ. Всякое небрежное исполненіе работы или уклоненія отъ нея подлежитъ строгому наказанію, вплоть до разстрѣла. По случаю плохого состоянія сельскаго хозяйства, ОГПУ частью разстрѣляло, частью бросило въ тюрьмы рядъ виднѣйшихъ агрономовъ и въ томъ числѣ даже коммунистовъ, еще недавно занимавшихъ видные посты. Этотъ взрывъ бѣшенства совѣтской власти и является дополнительнымъ свидѣтельствомъ крушенія того дѣла, на которое она поставила свою главную карту, — идеи принудительной коллективизаціи крестьянства.

IV. Заключеніе.

Настоящая система крестьянской политики, въ виду ея внутренней несостоятельности, должна быть ликвидирована и будетъ ликвидирована. Однако, надо признать, что задача возвращенія къ прежнему порядку будетъ связана съ немалыми трудностями, ибо въ процессѣ коллективизаціи многіе элементы индивидуальнаго хозяйства были разрушены. Эту задачу слѣдовало-бы себѣ облегчить тѣмъ, чтобы сохранить изъ происшедшей аграрной революціи тѣ элементы, которые съ успѣхомъ могутъ быть приспособлены къ новымъ нормальнымъ условіямъ. Намъ представляется, что нѣкоторыя новообразованія этой второй аграрной революціи все-же могли-бы быть сохранены.

Между колхозами слѣдуетъ различать двѣ категоріи. Большая ихъ часть, расположенные въ среднихъ и сѣверныхъ районахъ, не тракторизованы, и они пользуются, главнымъ образомъ, еще старымъ крестьянскимъ инвентаремъ. Ликвидація этого рода коллективовъ будетъ связана со сравнительно меньшими трудностями. Меньшая часть коллективовъ, расположенныхъ преимущественно въ степяхъ, обрабатываютъ свои поля съ помощью МТС. Такъ какъ крестьянскаго инвентаря тамъ уже нѣтъ, то полная ликвидація такихъ коллективовъ представлялась-бы весьма труднымъ дѣломъ. Но нужна-ли здѣсь полная ликвидація коллективовъ?

Быстро идущій процессъ механизаціи сельскаго хозяйства въ заокеанскихъ странахъ выдвигаетъ ту-же задачу и передъ сельскимъ хозяйствомъ старыхъ странъ. Въ Россіи, гдѣ лошади въ виду краткости вегетаціоннаго періода и сравнительной экстенсивности хозяйства обычно работаютъ лишь весьма ограниченное число дней въ году, ихъ содержаніе ложится тяжелымъ бременемъ на хозяйство, и возможная замѣна лошадей тракторами должна оказаться при умѣломъ веденіи этого дѣла очень выгодной. Особенно это должно быть выгодно въ степяхъ, гдѣ перенаселеніе еще не чувствуется, и гдѣ человѣческій трудъ цѣнится.

И вотъ съ точки зрѣнія тракторизаціи русское крестьянское хозяйство является несомнѣнно болѣе благодарнымъ объектомъ, чѣмъ крестьянское хозяйство на Западѣ. Тракторизація крестьянскаго хозяйства на Западѣ нисколько не подвигается. Затрудненіе состоитъ въ святости межъ, съ которой, однако, тракторъ никакъ мириться не можетъ. Въ Россіи, благодаря передѣльной общинѣ, межи никогда не были святы и неприкосновенны. Послѣ двухъ пронесшихся аграрныхъ революцій отъ святости межъ ничего не осталось. На этой взрыхленной революціями почвѣ организація МТС была умѣстна, и какъ показываетъ опытъ Маркевича, онѣ при надлежащей ихъ организаціи могли бы завоевать симпатіи крестьянъ и безъ давленія сверху.

Такая организація сельскаго хозяйства соотвѣтствовала-бы уравнительнымъ тенденціямъ русскаго крестьянства, съ которыми въ извѣстной мѣрѣ приходится считаться. Внѣдреніе тракторовъ въ порядкѣ индивидуальнаго пользованія должно было-бы дифференцировать крестьянство въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ оно было дифференцировано до войны, а это могло-бы вызвать опять обостреніе антагонизмовъ внутри крестьянства. Дважды въ Россіи обозначались процессы дифференціаціи крестьянства, и оба раза они были оборваны революціонными взрывами: мы говоримъ о дифференціаціи крестьянства подъ вліяніемъ Столыпинскаго законодательства и о его дифференціаціи (болѣе слабой) подъ вліяніемъ НЭП'а.

Если МТС являются, съ одной стороны, организаціями хозяйственно-прогрессивными и притомъ идущими навстрѣчу уравнительнымъ тенденціямъ крестьянства (въ своемъ послѣдовательномъ осуществленіи мы, впрочемъ, считаемъ эти тенденціи не совмѣстимыми съ интересами

народнаго хозяйства), то ихъ сохраненіе въ преображенномъ видѣ было-бы исходомъ изъ очень труднаго положенія. Задача состояла-бы, конечно, не въ томъ, чтобы съ помощью МТС подавить всякую самостоятельность крестьянскаго хозяйства, какъ это сейчасъ дѣлаетъ совѣтская власть, а въ томъ, чтобы, сохраняя МТС, эту самостоятельность всячески беречь и развивать. Извѣстная уступка, какъ нами уже было отмѣчено, была въ свое время сдѣлана Сталинымъ частному хозяйству въ колхозахъ. Эти элементы частнаго хозяйства должны были-бы быть расширены примѣрно до того объема, который былъ намѣченъ въ договорѣ Маркевича. И сами МТС должны быть постепенно превращены изъ государственныхъ предпріятій въ кооперативныя; онѣ должны стать *машинными товариществами*, глубже, чѣмъ обычныя машинныя товарищества, преобразующими основное сельско-хозяйственное производство.

Но сказаннымъ я совсѣмъ не хотѣлъ-бы создать иллюзіи, будто совѣтская власть, хотя-бы кривыми путями, ведетъ сельскую Россію къ свѣтлому будущему. Ея опытъ коллективизаціи крестьянства былъ для Россіи величайшимъ бѣдствіемъ, и до сихъ поръ не созданы ни политическія, ни правовыя предпосылки для мирнаго выхода изъ настоящаго бѣдственнаго состоянія сельской Россіи.

Положеніе совѣтской Россіи достигло во всѣхъ областяхъ жизни величайшаго напряженія и чревато глубокими потрясеніями. Предвидѣть размѣры и результаты этихъ назрѣвающихъ потрясеній намъ не дано.

Б. Д. Бруцкусъ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

О романѣ

Въ критической литературѣ очень принято время отъ времени хоронить тотъ или иной видъ искусства. Теперь хоронятъ преимущественно поэзію. Въ доказательство ея смерти, уже послѣдовавшей или неминуемой въ близкомъ будущемъ, приводятся доводы характера житейскаго: издатели нигдѣ больше стиховъ не печатаютъ (только за счетъ авторовъ), продаются книги поэтовъ все хуже и выходитъ ихъ очень мало (по подсчету англійскаго критика, въ восемь разъ меньше, чѣмъ до войны). Практическими доводами обычно доказываютъ и крушеніе драматическаго искусства: театры пустуютъ и разоряются, — дальше неизмѣнно слѣдуетъ ссылка на конкурренцію со стороны кинематографа и на общій экономическій кризисъ. Доводы не очень убѣдительные: не вездѣ театры пустуютъ (въ Англіи переполнены), и то же говорилось лѣтъ двадцать тому назадъ, — если не до появленія кинематографа, то во всякомъ случаѣ до его пышнаго расцвѣта. Хоронили, кстати сказать, и кинематографъ, особенно въ ту пору, когда онъ заговорилъ. Оптимистъ могъ бы замѣтить, что этотъ споръ легко разрѣшить общимъ мѣстомъ: плохой театръ, плохой кинематографъ обречены на гибель; хорошій театръ, хорошій кинематографъ не погибли и не погибнутъ. Общее мѣсто благополучно разрѣшаетъ много споровъ, касающихся искусства. Но въ вопросѣ о театрѣ и особенно о кинематографѣ мы на этомъ положеніи не остановимся. Кинематографъ не погибъ прежде всего потому, что, какъ настоящее большое искусство, онъ собственно еще и не родился. Для этого есть причины, съ его внутренней природой не связанныя или связанныя очень слабо: тонкая, трудная книга всегда найдетъ, хоть не сразу, ту тысячу цѣнителей, которая нужна для того, чтобы окупить расходы по изданію; фильмъ гибнетъ и разоряетъ предпринимателя, если не находитъ милліонной аудиторіи. Между тѣмъ счетъ людямъ, знающимъ толкъ въ искусствѣ, ведется ужъ никакъ не на милліоны. И тѣмъ не менѣе будущее у кинематографа огромное.

Романъ хоронили лѣтъ девять-десять тому назадъ по причинамъ другого характера. На равнодушіе публики тутъ ссылаться не приходится: такихъ «тиражей», какіе послѣ войны выпали на долю иныхъ романовъ, не знала ни одна книга въ исторіи, кромѣ Свя-